

Р30842

ПАВЛО ТЫЧИНА

**ОТПЛАТИМ
ЗА ВСЁ!**

**ГОСЛИТИЗДАТ
1943**

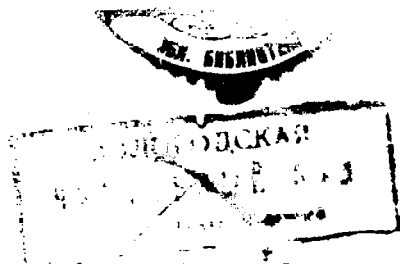

ПАВЛО ТЫЧНА

ОТПЛАТИМ ЗА ВСЁ!

С Т И Х И

*Перевод с украинского
под общей редакцией
Бориса Турганова*

О Г И З

Государственное издательство
художественной литературы
Москва 1943

30842

СОДЕРЖАНИЕ

Отплатим за всё! Перевод <i>Б. Турганова</i>	3
Идем на бой! Перевод <i>В. Зялинцевой</i>	5
Мы истребим тебя — и чорт с тобою! Перевод <i>Б. Турганова</i>	5
Он не сказал ни слова. Перевод <i>А. Глобы</i>	9
Песня про Зою Косьмодемьянскую. Перевод <i>Д. Бродского</i>	12
На земле священной, на советской. Перевод <i>Б. Турганова</i>	13
Голос матери. Перевод <i>В. Дышник</i>	20
В бессонную ночь. Перевод <i>В. Дышник</i>	23
Весна. Перевод <i>В. Дышник</i>	25
Федькоич у повстанца Кобыльицы. Перевод <i>В. Зялинцевой</i>	28

Редактор *А. Девя*

Подписано к печати 13/XI 1942 г. А-61334.
Тираж 25 000. 1 печ. л. Заказ № 571.
Цена 1 р. 25 к.

3-я типография «Красный пролетарий» Огиза
РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Красно-
пролетарская, 16.

ОТПЛАТИМ ЗА ВСЁ!

Мы Сталиным призваны к бою,
и мы не отступим назад,
пока не сочтемся с тобою,
фашистский прожорливый гад!
В чем суть твоей подлой работы?
Забраться соседу в карман? —
Тряхнут тебя наши пилоты,
и рухнешь в кровавый туман!
Ты лезешь нажраться, напиться? —
Ну, что же — получишь свое.
Тряхнут тебя наши танкисты,
и лопнет сердчишко твое!

За кровь, за разбитые жизни —
за всё мы отплатим, поверь!
Священной советской отчизне
не страшен взбесившийся зверь!

И форма твоя, как у спрута,
доктрина ж — как ветер в трубе...
Ты миру несешь только путы,
зачем же культура тебе?
Безумного бреда глашатай,
из смрадных притонов пришлец...
С собой унесешь ты, проклятый,
одну только кличку: подлец.
Ты вздумал пророком рядиться?
Но духом ты нищ, весь, как есть.
Мы скосим тебя, кровоопийца,
за нашу свободу и честь!

За кровь, за разбитые жизни —
за всё мы отплатим, поверь!

Священной советской отчизне
не страшен взбесившийся зверь!

Ты — маска на мерзостной роже,
пора уже маске упасть!
Земли захотелось? — Ну, что же —
землицей забьем тебе пасть.
Ты — клоун, ты — старый кривляка,
но время кончать круговерть...
За хлебцем пришел ты? — Собака!
Не хлеб ты получишь, а смерть.
Твой яростный вопль нескончаем —
то вопль перед страшным концом.
Недаром тебя мы встречаем
железом, огнем и свинцом!

За кровь, за разбитые жизни,
за всё мы отплатим, поверь!
Священной советской отчизне
не страшен взбесившийся зверь!

Всё кражи тебе, да всё кражи? —
Споткнешься!.. Всё ложь, да всё ложь? —
Ты так еще грохнешься, враже,
что после костей не сберешь.
Ты думал, у нас тут «пейзане»?
И слава тебе, мол, и жизнь?
А тут вот кругом партизаны —
ну, просто в могилу ложись...
И ты не кичись, что походом
за наши границы проник.
Лишь правое дело народам
победу дает, не «блиц-криг».

За кровь, за разбитые жизни,
за всё мы отплатим, поверь!
Священной советской отчизне
не страшен взбесившийся зверь!

ИДЕМ НА БОЙ!

Земля моя, родимая, святая!
Любовь моя, отчизна золотая!
Вновь нападение? Вражеский разбой?
Родная, слышим! Мы идем на бой!

Чего он хочет, хищник иступленный?
Зачем исходит злобой неуёмной?
Затем, что ты одна на целый свет
свободна; ты — что солнца золотоцвет!

Враг оттого беснуется и злится,
что высока у нас в полях пшеница,
враг оттого спешит напасть на нас,
что знает он: его недолог час, —

в Европе им теснимые народы
поднимутся, стремясь к заре свободы.
Народов тех опора и маяк —
лишь ты, земля советская моя.

Да, будет вражья ставка, будет бита:
ведь славой наша армия покрыта!
Мы победим — ведь с нами на земле
свобода, правда, Сталин наш в Кремле.

Земля моя, родимая, святая!
Любовь моя, отчизна золотая!
Вновь нападение? Вражеский разбой?
Родная, слышим! Мы идем на бой!

**МЫ ИСТРЕБИМ ТЕБЯ —
И ЧОРТ С ТОБОЮ!**

Дойчлянд, Дойчлянд — что за новость?
Чтоб забыть и честь и совесть —
надо выжить из ума!

Дойчлянд мыслит: «Я всех лучше,
целый мир сожгу, разрушу...»

Надо выжить из ума!

«Что славянство, что культура?
Я ведь — хватская натура...»

Надо выжить из ума!

Дойчлянд — дура: что захватит,
всё в конце концов протратит,
разве на могилу хватит! —

Надо выжить из ума!

Друзья славяне! Вольные народы!
Боритесь крепко за свои свободы!
Мир ждет спасенья, вам судьбу доверя:
фашизм убейте, уничтожьте зверя!

Германия пожрала честь и право.
Но день придет — всё изблюет кроваво
и кинется, как пес, в яру укрыться...
Боритесь крепко, братья-украинцы!

Германия опухла от добычи.
Но день придет — и станет, жалко хныча,
на гноище валяться, всё растратя...
Боритесь крепко, русские собратья!

Германия людей лишила счастья.
Но день придет — рассыплется на части!
Ой, громы грянут, тучи соберутся!
Боритесь крепко, братья-белоруссы!

Хвастай, Дойчлянд «юбер аллес»¹, —
только хвастать и осталось. —

Глупо — куры заклюют.

¹ Ю б е р а л л е с — превыше всего (немещк.).

Цвет народа расточила?
Зверя Гитлера вскормила?
Глупо — куры заклюют.

Гитлер сжал тебя клещами,
ерунду «Майн кампф» вещая. —
Глупо — куры заклюют.

Как ни чванься, как ни вейся —
быют тебя красноармейцы!
Ой, поклонись — не смейся! —
Глупо — куры заклюют.

Погорячился ж ты, погорячился,
у Мефистофеля хитрить учился.
Но нехитра и хитрость... вот обидно —
следы когтей твоих повсюду видно.

Погорячился ты, погорячился,
злодейством повсеместно отличился.
Хлебнувши крови, бешено хохочешь.
Еще бы! Мир завоевать хлопочешь?

Воюй, воюй... споткнешься, всюду рыща:
одна тебе дорога — на кладбище.
Ко всем чертям пойдут, под хохот прессы,
И Геринги, и Геббельсы, и Гессы...

Твердя везде про «совесть юберменша¹»,
одну лишь силу признаёшь — не меньше?
Вот отчего, Европу сжав когтями,
ты совесть утопил в навозной яме?

Гитлер, Гитлер, эта совесть —
краденых товаров поезд
из ограбленных земель.

¹ Ю б е р м е н ш — сверхчеловек (немецк.).

Гитлер, Гитлер, эта слава —
лишь лоскутная держава
из ограбленных земель.

Гитлер, Гитлер, эги позы —
за чужой спиной угрозы
из ограбленных земель.

Гитлер, Гитлер, эта сила —
то, что алчность накосила,
что гадюка откусила
из ограбленных земель.

Коси, коси... себе ты смерть накопишь,
на целый свет пощады ты запросишь.
Сороки застрекочат у могилы:
твою «Майн кампф» безумие внушило.

Задумал ты свою косу подправить
румыном да венгерцем? — Что лукавить!
Ты, значит, силы собственной лишился?
Выходит, в дураках ты очутился?

Ах, правда: в дурни входят без талона,
бесплатно корчат там Наполеона,
Европу, не смущаясь, делят хором, —
и дурень ведь бывает фантазером!

Но раз под Ницше вздумал ты рядиться,
но раз тебе всё Украина снится,
раз хочешь истребительного бою, —
мы истребим тебя -- и чорт с тобою!

Раз фашисты — «высшей расы»,
разве им прожить без мяса? —
Грабь, и больше никаких!

Если им не до морали —
стать скотами не пора ли? —
Грабь, и больше никаких!

Если им не до науки,
как не взять дубину в руки? —
Грабь, и больше никаких!

Если, ни во что не веря,
совесть и закон похеря,
мерить мир глазами зверя, —
грабь, и больше никаких!

Грабастай, грабь — в гробу тебе награда,
народ растопчет мерзостного гада,
тебя, раздавленного, позабудет,
а Украина — есть, была и будет!

Чтоб оправдать разбой и убийства,
и философия твоя — когтиста.
От повседневной думы про захваты
твои мозги давно уж легче ваты.

Сказала щука: эх, еще бы крылья!
Свинья сказала: эх, к моей бы силе
еще два рога! Что ж, когда их нету!
Смерть, Гитлер, уж зовет тебя к ответу!

Но раз под Ницше вздумал ты рядиться,
но раз тебе всё Украина снится,
раз хочешь истребительного бою,
мы истребим тебя — и чорт с тобою!

ОН НЕ СКАЗАЛ НИ СЛОВА

Глумились — не поник чёлom,
кололи, били, — но ни слова
он не сказал! Пытали снова.
Вокруг молчало поле. Гром
там, за селом, прогрохотал,
в свист перешел над головою

и где-то сзади, за горою
землею небо оплевал...

И немцы залютели вновь:
— Скажи, где войско, сколько силы?
Ух, неарийские все жилы
из тела вытянем!..

И кровь
на землю нитками лилась,
когда все пальцы обрубали.
«Должно быть, наши в бой вступили,
раз канонада началась», —
юнак подумал, и тотчас
свело ужасной болью руки.
— Ну, говори! Иль мало муки?
Или немой?

«Гремит у нас, —
безмолвно размышлял юнак. —
Товарищ добежал — и наши
извещены...»

— Не сваришь каши
с проклятым! Стой, еще не так
отделаем!

И по ногам
его рубнули.

«Край мой милый!
Ни лютость мук, ни страх могилы
меня не сломят, жизнь отдам
я за тебя...»

И он к земле
склонил колени.

Грохотало
всё чаще. Под ногами стало
краснее, будто зацвели
цветы вскруг... А боль была —
огонь несосветимо-жгучий.

«Пусть смерть,—
подумал,—
дух могучий
всё может вытерпеть...»

Пчела,
жужжа, спустилась на цветок
красавый.

«А, тебя не ждали!» —
обрадовался: в синей дали
сверкнул крылами «ястребок».
«Товарищ всё им передал,
сейчас начнется наступленье.
Отмщенье, родина, отмщенье!
Топчи фашистов в грязи!..»

Упал
юнак, а немец сверху сел
и пленнику отрезал ухо,
потом другое... Вдруг до слуха
клич большевистский долетел.
Мучитель оглянулся: страх!
Один! Подручный убегает!
А полк фашистский отступает,
редеет, тает на глазах,
и немцы падают, как лист
в глухую осень... Истекает
юнак весь кровью, — но взмывает,
поет душа. Беги, фашист!
Настигнет пуля всё равно!
«За Сталина!» —

кругом несется.
Юнак забредит и проснется,
и шепчет он:

«Не суждено
тупому обуху разбить
Союза мощь, фашизм не сможет
мысль умертвить, жизнь переможет,
дух большевистский будет жить!..»

— Победим. За нами правда,
Мудрый Сталин с нами!

Победим! Па немца встанем
грозною грозой.
Будь прославлена навеки,
комсомолка Зоя!

НА ЗЕМЛЕ СВЯЩЕННОЙ, НА СОВЕТСКОЙ

Рано поутру к селянке в хату
то не волки лютые вбегали, —
то из вражьего, чужого края
два голодных хищника вломились.

Как один был — офицер немецкий,
а другой — слуга-синежупанник.
— Эй, Мокрина, грязная мужичка!
Мы спешим на партизан походом,
так подай нам молока...да живо!
(Пятеро солдат за воротами.)
Хлеба разыщи нам, масла, сала!
Нету у тебя — сходи к соседям.
Ну, не стой, не так еще заставим.

Заворочались от крика дети:
— Мамка! Может, татко? Где наш татко? —
Но, протерши кулачками глазки,
вдруг заплакали, забились в угол.

Загорелось у Мокрины сердце,
затряслась, руками замахала:
— Не дождетесь, чтоб я вас кормила!
Всё и так забрали, живоглоты.
Что вам надо, ироды собачьи?

Мало вам того, что натворили?
Вот уже семь дён, как человека
увели из хаты на расправу.
Где мой муж? За что его забрали?

И, рассевшись важно на скамейке,
стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Цыц! Ты знаешь, кто перед тобою?
Мы тевтоны! Люди высшей расы!
Мы пришли, чтоб вас рабами сделать.
Если же... Да что ты понимаешь?
Эй, слуга немецкий, объясни ей
(твой ведь это скот единокровный),
расскажи, что, дескать, мы... ну, словом,
жрать пускай несет нам, да живее!

— Жрать! — заверещал синежупанник.—
Лопни, а подай нам угощенье!
То или другое — что найдется,
только бы не прогневить нам немца.
А побьем Железка-партизана —
вот тогда-то мы повеселимся,
запоем все вместе «Ще не вмерла».
Мы несем вам старые порядки,
мы над вами гетмана поставим.
Ты скажи нам, тетушка, спасибо,
что большевиков твоих воюем.

Гневно кинула ему Мокрина:
— Прочь отсюда, подлая гадюка!
Ты вкрут сердца мне обвиться хочешь?
Отойди! Когда бы силы стало,
я б своей рукой вас задавила!
Ждете вы, что вам скажу спасибо?
(А сама-то — полотно белее.)
Я за все... за все вам благодарна!
Вот и благодарность. Получайте! —

И неожиданно им в лицо обоим,
подбежавши, плюнула: — Собаки!
Растерзайте, а молчать не стану!

Стукнул-хрюкнул офицер немецкий:
— Что? Меня? Да как она посмела? —
И, вскочивши со скамейки, мигом
офицер за пистолет схватился.

Но едва вскочил он, как Мокрина
по руке ударила сразмаху.
В угол пистолет упал со стуком.
— А, ты вот как? — офицер взъярился,
ухватил он женщину за плечи,
оттолкнул ее со всею силой, —
навзничь опрокинулась Мокрина,
загремела головою об пол.
— Будьте прокляты! — лишь простонала.
— Мама! Мама! — дети закричали,
закричали, в плач заголосили.

Кинулся, как зверь, синежупанник.
Севши сверху, стал ломать ей руки,
в рот ей тряпку грязную засунул
и, поднявшись, козырнул: готово!
Офицер, надменно шаг ступивши,
злобно ей на грудь сапог поставил:
— Вот за то, что сделать ты посмела,
я детей твоих замучу! После
и тебя я мучить буду. Слышишь?
И в тот угол, где прижались дети,
оловянно поглядел и с места
двинулся, загрохав сапогами.
Вскрикнули-заголосили дети,
мать, беспомощная, заметалась.

Но как раз в ту пору дверь раскрылась,
и вошли: один рыжебородый,

в длинном и потертом балахоне;
вслед за ним дедок косматый, с лирой,
он всё кашлял, слеповато щурясь;
далее — третий, без руки, убогий,
колыхая рукавом рубахи.

Обернулся офицер немецкий,
пряча пистолет, притопнул грозно:
— Кто такие? Для чего явились? —
К двери подскочил синежупаник:
— Говорите мне, что здесь вам надо? —
Закрестился лирник, поклонился.
То же начал и рыжебородый,
но остановился, глянув в угол:
— Может, их водой попрыскать? — молвил. —
Дети тоже... бедненькие, плачут. —
Как толкнет его синежупанник:
— Ты пришел сюда распоряжаться?
Говори скорей: зачем приплелся?
А не то... сдеру с живого шкуру.

— Не иначе! — кашлянул тут лирник.
— А и правда! — пропищал безрукий.

Низко поклонясь, рыжебородый
с дрожью в голосе ему ответил:
— Милостивые мои панове,
не прогневайтесь на смелом слове.
Я — кулак. Вольшевикам был лишний,
вам же послужить пришел с охотой.
Ой, возьмите вы меня на службу!
Я народ уговорить сумею,
к вам склоню, как ту березку в поле.

Отмахнулся офицер немецкий:
— Вот еще, нашел себе заботу! —
Он расселся снова на скамейке,
закурил и, закурявши, хрюкнул:

— Что «народ»? Народ и так заставим, —
нам бы только изловить Железка.

— Господи, — вскричал рыжебородый, —
да ведь мы-то знаем, где Железко!

— Знаете? — и офицер присвистнул. —

Эй, слуга-синежупанник, слышишь? —

Радостно осклабился проклятый,
точно пес, который кость увидел,
а синежупанник подхихикнул:

так и так, мол, — сам идет к нам в руки?

Выстрел вдруг на улице раздался —
раз, и два — и снова всё затихло.

— Что такое! — всполошились оба.

— Ничего, там бешеная сучка, —

успокоил их рыжебородый, —

по дороге мы ее видали.

На людей кидается... Да что там!

Думка-то у нас, чтоб вы на службу

взяли нас... ну, то есть... — и закашлял.

— Не иначе! — кашлянул и лирник.

— А и правда! — пропищал безрукий.

И прежалостно просить их начал:

— Дайте службишку ему... ей право...

Дайте на руки ему бумажку,

чтоб печать была на ней и подпись.

А о прочем — вы не беспокойтесь:

тотчас вам укажем, где Железко.

Лирник этот вот, как старец божий,

все уж протоптал туда дорожки.

— Для кого же? — Да для вас, понягну.

У Железка восемь душ в отряде,

пулемет один — и всё, пожалуй.

Ну, там бомба, две, да это мелочь.
Лишь бы подойти вам с той сторонки,
где зимой повесился Омелько, —
может, знаете? Так вот оттуда
вам ударить было бы невредно.
Только выдайте вы нам бумажку!
— Что же, можно, — офицер смягчился.
Он к столу лицом поворотился,
стал печать на шаривать в кармане.
И синежупанник сел — царапал
по бумаге, локти раскоряча.

Выстрел снова за окном раздался.
— Эка злая сучка! — буркнул лирник.
— Есть уже! — сказал синежупанник.
Офицер печать свою прихлопнул:
— Вот и всё. Готово, Пусть ведут нас. —
А когда они оборотились, —
смертный ужас искривил их лица:
три нагана им в упор глядели!
Зычным голосом, подобным грому,
крикнул лирник: — Стойте, и ни с места!
Кто пошевелится — бомбу кину!
Некуда бежать вам, успокойтесь.
Выстрелы слышали? Вся охрана
ваша перебита. —

Тут же в хату
четверо людей вошло. — Выхите!
Накрепко! — сказал рыжебородый.
И когда жестокие злодеи,
связанные, на полу лежали —
вместе с лирником рыжебородый
принялся освобождать Мокрицу.
Тряпку изо рта тихонько вынул,
руки скрученные развязал ей,
трижды ей лицо водою сырсунул.

А потом, когда она вздохнула,
в угол перенес, туда, где дети.

Сам же выступил на середину
и сказал лежавшим у порога:
— Вы задумали поймать Железка?
Так ловите, что же вы притихли?
Вывавшись из ваших лап звериных,
долго я ходил за вами следом.
Я давно убил бы вас обоих,
но хотелось взять живьем, проклятых,
чтобы «языка» добыть вернее.
Ну, так как на Украине — тесно?
Погодите — припечем покрепче.
Что, простору захотели? Хлеба?
Погодите — и не так накормим!
Вы народ вернуть хотите в рабство?
Эх вы, гитлеровские собаки, —
никогда такого не дожждаться,
не мечтать вам — слышите? — об этом!
Как сказал нам Сталин, так и будет
на земле священной, на советской!
— Будет! — закричал тогда безрукий.
Он в другой рукав просунул руку,
и рукав уж больше не болтался.
— Будет! — повторил за ним и лирник,
а за ним и все: — Прикончим немца,
даже и на семя не оставим.
— Ну, тащите гадов, и в дорогу, —
обернулся к ним рыжебородый. —
Фу! Аж душно стало... Время ехать! —
Бороду с себя сорвал Железко
и платком лицо отер от пота.
— Татку! Татку! — закричали дети.
— Голубята! — к ним отец метнулся. —
Вы не бойтесь, сами вы — вояки:
выбросим злодеев, и не станет.

Я приду еще, вернусь к вам. Мама,
мама остается, — слышь, родная?

И приподнялась Мокрина: — Кто тут?
Ой, воды... ой, жжет меня... Да кто тут?
— Ну, прощайте! — и рыжебородый
вышел в дверь последним. — Татку! Татку! —
вслед ручонки протянулись. — Татку! —
дети лепетали...

ГОЛОС МАТЕРИ

Я спать не мог — всё сон нейдет.
Был страшен вой осенней ночи.
Скрипел наш дом. Железный гнет
давил на сердце всё жесточе.

И вот сквозь бурю слышу крик:
«Встань, брат! Ох, смерть моя приспела!»
Услышал — и с постели вмиг
дух недреманный сбросил тело.

Вгляделся, — сумрак поредел,
и, вытянутый, предо мною
качался кто-то и чернел,
с откинутою головою.

Я содрогнулся: — Это — ты?
«Из петли вынь!» — звучит приказом.
Я только горсти темноты
схватил — и в бездну канул разом.

Уже далеко я, а вот
и Киев. Пес урчит смердящий,
и виселицу стережет
солдат на площади молчащей.

Заря там кровью запеклась,
там — смертный дух, там ямы, раны.
Но выбьют немцев, — близок час, —
и наш десант, и партизаны.

Как смерть сладка и подвиг прост
в борьбе за жизнь родного края!
Вскочил с разбега на помост
и петлю я перерезаю.

Я брата тихо уложил,
бужу его, даю напиться.
И он, едва набравшись сил,
хрипит: «Пусть это отомстится!»

Но вражеский солдат по мне
тут выстрелил... И я очнулся:
ох, то привиделось во сне!
Как душно! Я к дверям метнулся.

На сердце вновь железный гнет,
всё тяжелее, всё жесточе.
Деревья бурей так и гнет,
и страшен вой осенней ночи.

Но в буре ловит чуткий слух:
«Прости, то я тебя взбудила.
Пусть недреманным будет дух, —
мой сын, нужна нам сила! сила!

Будь братом каждого бойца!
Не тысячам, а миллионам
сумей ты вдохновить сердца
своих стихов железным звоном.

Идут полки, идут полки
на битву с гадиной ползучей, —

так пусть от огненной строки
растет и крепнет гнев могучий!

И те, что в битве полегли,
ведь не глухому же кому-то, —
тебе кричат: «Проклятье шли
змее, на кровь людскую лютой!»

Истерзан твой родимый край.
Гляди, как буря труп колышет!
Ты в строгий стих свой отливай
весь гнев, которым сердце дышит.

За оскверненных матерей,
за всех, живьем зарытых в землю,
ты песней отомстить сумеи,
тогда лишь я тебя приемлю!

Ты — молодой из молодых,
крепи же песнею победу.
Я нынче всех детей своих,
в грозе, сзываю на беседу.

Пусть будет сердце — как алмаз.
И голос лирный — на суровый
смени! Забудешься хоть раз, —
не обращусь к тебе я снова.

Ты узнаешь ли голос мой
и мой полет орлинокрылый?
С заботой реет над тобой
душа твоей отчизны милой!»

...И проволоки на столбах
запели, стихли. Час рассвета.
Вот зачирикало в кустах.
Лишь два луча на небесах,
как руки матери, воздеты...

В БЕССОННУЮ НОЧЬ

(Думы об Украине)

Погасла свечка. За окном морозы
звучат, как месяц, тишиной,
и ночь — печатью над страной.
Лишь на вокзале паровозы
бросают клик веселый свой.

Я встал. Вот-вот, и бомба вскочит
сквозь громы гулких галлерей,
и грохнут залпы батарей,
и рама об пол загрохочет,
и брызнут стекла до дверей.

Но нет, кругом все тихо. Сонно
между планет летит земля...
Я — твой, отчизна! Сын твой я.
Не тонкостанная Мадонна,
ты — мать мощная моя.

Что с матерью? О, что там с нею? —
не шлю молитвы ни о чем.
Без слез, к стеклу припавши лбом,
я только сердцем цепенею,
пронзенный скорбью, как штыком.

О, Украина, Украина!
И ты, страдальца, не спишь.
Ты жгучей мукою горишь
и в вспышках ночи воробьиной
борьбой немолчною гудишь.

О, Украина, солнце воли!
От ран твоих я изнемог!
О если бы в себя я мог
вобрать всю скорбь твою и боли,
пока придет возмездья срок!

Ведь я рожден землею милой,
сосал твою земную грудь,
в горах и в поле где-нибудь
твоєю набирался силой,
ты мне указывала путь.

А только поокрепли ноги
и только голос зазвучал, —
тут я запел, и сам не знал,
как стал певцом твоей тревоги
и весь — одна тревога стал.

Тревожусь не за нажитое
и не за дом, не за уют
(цветы и солнце вновь придут), —
за Днепр, за поле золотое
и за детей, за весь наш люд...

Не гневайся же, Украина,
что сын всё время кличет мать.
Как без тебя существовать?
Когда болеет мать у сына,
то сын не может не стонать.

Не сплю. Твои, отчизна, грозы
гремят немолчно надо мной.
А ночь — печатью над страной.
Лишь на вокзале паровозы
бросают клик во мрак ночной.

Стремят вагоны цепью длинной
груз пушек, танков и мечей —
угрозою для палачей —
на север, запад, Украину,
в сиянии дня, во тьме ночей.

О, техника страны советской!
Сумеешь силу ты собрать,

чтоб змєю голову сорвать,
чтоб гнусной грязью людоседской
он землю перестал марать!

Никто там, женщины ли, дети ль,
от страшной муки не ушли.
Мерзавцы две звезды вожгли
в грудь девичью. И вот свидетель —
мальчонка мертвый. Там, вдали,

сестра с отцом висят с балкона...
А каждый жил, дышал, мечтал!
Таких злодейств и свет не знал.
Но враг попятился, смятенный:
пощады нет, и срок настал.

Вспомянем змєю муки, слезы
и в детской грудке нож стальной!
...А ночь — печатью над страной.
Лишь паровозы
бросают клик ночной...

ВЕСНА

То солнце выглянет, то снова туча,
и молния, и дождь... Пришла весна —
но лишь острее и еще горячей
душа звенящей болью пронзена.

Всем существом и каждой жилкой малой
я как мембрана напряжен! И вот,
как будто по живому телу стала
пила работать — и дерет, дерет...

Прильнет к ногам трава, цветок-ласкавчик,
души угрюмой не развеселив;

ни лес, ни сад, зеленый мой кудрявчик,
ее не тронут, ни речной разлив...

Цветут луга... Но жгучими шипами
терзает мысль про цвет иной — детей.
Их затоптал тевтон... Им тесно в яме:
вот пальчики торчат... О, счет смертей!..

Как после этого глядеть на нивы,
где пальцы к небу тянут зеленыя?
Серьгой береза колыхнет лениво —
то колыханье мучает меня.

В душе маячат призраком вседневным
тела повешенных. Встают кресты
с распятыми. Каким призывом гневным
их скрюченные пальцы палиты!

Тюльпан раскрыл уста, и раскаленным
железом душу мне прожгло: а там?
Доколе там томиться мертвым стоном
землей забитым заживо устам?

Они зовут, они кричат о мщеньи
с Десны и Роси, с Буга и Днепра...
Мне в новом открывается значеньи
весенняя, привычная пора.

И стала мне наставницею являться
сама весна среди своих хлопот:
«Не бойся ты березок и акаций, —
жить надо просто, как земля живет.

А смерть над тем не возымеет силы,
кто жизни сам не угасил в себе, —
смотри же не на жертвы и могилы,
смотри на поколения в борьбе.

Смотри, как весь народ хранит заветы,
как вещей птицей сердце бьется в нем.
За всех борцов, разбросанных по свету,
горит он героическим огнем.

И признаков его грядущей славы
не заслонит страданий наших тень.
Нас слышат чехи, сербы, югославы, —
и над землей восходит новый день!

Да, новый день встает солнцеворотом!
Мы истребим тевтонов, как лишай.
Кричат могилы криком многоротым,
но ты, поэт, свой дух не угашай.

Пускай тот крик в твоей душе немые
пробудит струны: Мщение и Гнев
пускай звучат! Не плач Иеремии,
а богатырской ярости напев!

Умей же мстить! Когда гремит железо
и лает танк, влача кровавый след,
не самоуглубленьем и аскезой
и не тоской пророка жив поэт.

И если косность — гибель для стратега,
зачем же ты, поэт, во дни боев
берешь из допотопного ковчега
груз обветшалых образов и слов?

Нет, пусть твой стих звучит, как медь набага, —
недаром ты новатор и поэт!
Бесстрашно бей по гадине проклятой —
ведь в том и силы песенной расцвет!

Проклятье людоедам загребущим!
А всем борцам, вступающим в бой
(не только лишь на Украине сущим),
ты ядом гнева стрелы напой.

Пусть этот яд священного отмищенья
за гибель всех отцов и матерей,
за все обиды и за все мученья
повергнет в прах взбесившихся зверей!»

«Повергнет!» — вдруг береза зашумела...
«Во прах!» — шепнули ветра паруса...
И силой небывалою и смелой,
Могучей силой весь я налился!

Весна, весна... Печаль больней и жгучей,
но вся душа — один немолчный звон.
То солнце выглянет, то снова туча...
Жизнь и победа — вечный наш закон!

ФЕДЬКОВИЧ У ПОВСТАНЦА КОБЫЛЫЦИ

Что терпел от злого батьки
славный юноша Федькович, —
ни словами не расскажешь,
ни душою не постигнешь.
Ведь семья одна и хата,
только бы и жить, казалось,
да отец за старину был,
а сынок о новом трезил.
Тут-то жизнь и раскололась —
каждый день раздоры, крики:
«Я в полицию отправлю!
Ты не признаешь закона?
У Лукьяна Кобылыци
бунтовать ты научился?»
Видит сын: в дому, что в пекле,
не бывать вовек покою.
На бумаге стих напишешь —
выхватят из рук и — в ключья,
слово скажешь про свободу —
кинут палкою тяжелой.

Злым ли быть или покорным —
что всего важнее в жизни?
Свет ты мой! Ну, где отыщет
человек себе защиту?..
Как-то вырвался из пекла
молодой поэт Федькович,
и поднялся он на гору
буковинскую, родную.
Он идет, а ветер свищет,
буки старые колышет,
нагоняет тучи злые
на высокую вершину.
Он идет, и вдруг за шею
каплей капнуло холодной.
Молния блеснула в туче,
и пошло тут грохотанье...
Огляделся, осмотрелся
смелый сокол, юный горец,
и отверстие увидел
при дороге в горных камнях.
Он забрался в ту пещеру
да и стал внимать природе.
А она в великом гневе
землю молниями била
и шумела шумом ливня;
и, ревя, неслись потоки,
и катились вниз каменья
далеко куда-то, в бездну.
И воскликнул в удивленьи
славный юноша Федькович:
«Сколько ни бродил в горах я,
а такого не бывало,
чтоб в одну лишь тучу в небе
столько гнева взгромоздилось!
Бушевать так может только
лишь повстанец Кобыльця».
«А ты кто такой? Откуда?» —

вдруг слышалось в пещере.
Смотрит: никого не видно,
только мрак вокруг глубокий —
видно, эхо отозвалось
гулкое в пустой пещере.
И опять разговорился
смелый сокол, юный горец:
«Неужели не придется
никогда с ним повстречаться?
Так меня к нему и тянет,
удержаться нету силы».
«Почему же не придется?»
вновь слышался тут голос,
и из тьмы пещерной вышел
исполин в простой одежде.
«Ты хотел меня увидеть?
Вот и я... Да ты не бойся!
Никого не обижает
справедливый Кобылыця».
Промолчал юнак Федькович, —
усмехнулся Кобылыця;
только молнии сверкали
да в горах ревели воды.
«Успокойся, милый мальчик,
здесь тебя не задержу я,
только ливень перестанет —
ты домой и возвратишься».
И юнца тут потрел он
нежно по плечу рукою,
усадил его на камень,
сам же к стенке прислонился.
Словно мак, юнец раскрылся,
всю печаль свою поведал,
всё свое большое горе,
горькую несправедливость:
«Лучше б мне не видеть неба,
лучше б мне не видеть солнца,

лучше б помереть мне сразу,
чем терпеть такую долю!»
И сказал ему с улыбкой
справедливый Кобылыця:
«Ой, дитя мое родное,
полевой мой колосочек!
Не клянись ты небом-солнцем,
жить, дитя, не зарекайся.
Лучше сделай так, чтоб люди
на руках тебя носили.
Ты всё думал допытаться:
что всего важнее в жизни?
Я скажу: стоять за правду,
бедных вызволять из гнета.
Умягчить хотел ты сердце
на зеленой на природе.
Я скажу: напротив, пужно
закаляться, укрепляться,
потому что будет время,
весь народ восстанет грозно,
и тогда в борьбе кровавой
надвое мир распадется.
Вот когда твоя отвага
неприменно пригодится!
Будешь славным стихотворцем,
вдохновителем народа.
На великой Украине
грянет гром грозы народной
против черного насилья.
Надо нам помочь народу.
Не забудь, что лишь оттуда
встанет солнце — солнце воли.
Верю, верю, что сольется
Буковина с тем народом.
Вот и всё, дружок, как будто,
что хотел тебе поведать...
Гром утих, гроза промчалась,

лишь шумят еще потоки.
Видишь: хлеб перед тобою,
видишь: сыр, вода в кувшине, —
подкренись и отправляйся,
и готовься к новым битвам.
Проводить тебя я рад бы,
да нельзя мне появляться,
чтоб полиция не знала,
где готовлю я восстанье.
Жил в пещере этой самой
некогда Олекса Довбуш, —
значит, ты запасся силой
Довбушевой и моею.
Ну, прощай, иди тихонько,
чтоб нога не поскользнулась,
ой, дитя мое родное,
полевой мой колосочек!»
«До свиданья, — подымаясь,
молвил юноша Федькович. —
Вашей речи о закале
никогда не позабуду,
буду в грозной битве первым,
буду ратовать за бедных,
буду нашу Буковину
поворачивать к восходу!»
И отправился Федькович,
стал спускаться вниз, веселый.
Солнце вышло из-за тучи,
путь-дорогу осветило.
И запел Федькович песню,
так что люди удивлялись:
кто это на горных склонах
про свободу распевает?

ВОДОГОДСКАЯ

Ч. Т. ЗАВ. 1919 г.
Библиография

1 руб. 25 к.

27

33